

**ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ
ВОЙНЫ: МЕХАНИЗМЫ
ВОЗДЕЙСТВИЯ,
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**PHILOSOPHICAL AND
ANTHROPOLOGICAL
FOUNDATIONS OF COGNITIVE
WARFARE: MECHANISMS
OF INFLUENCE, STRATEGIC
GOALS AND SOCIOCULTURAL
CONSEQUENCES**

Т. С. Оленич*

ORCID: 0000-0002-1212-9181

Р. И. Французов**

ORCID: 0000-0002-6827-2366

Tamara S. Olenich*

Ruslan I. Frantsuzov**

* *Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

** *Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

** *Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: системный анализ феномена когнитивных войн с философско-антропологической точки зрения, раскрывая его сущность, механизмы воздействия на сознание, стратегические цели агрессора и последствия для культуры.

Objective of the study. A systematic analysis of the phenomenon of cognitive warfare from a philosophical-anthropological perspective, revealing its essence, mechanisms of influence on consciousness, strategic goals of the aggressor, and the consequences for culture.

Методологическая база исследования основана на междисциплинарном подходе, который сочетает философско-антропологический и культурологический анализ феномена «когнитивной войны» с обращением к теории коммуникации, концепции «окна Овертона», когнитивной психологии и социологии; проанализированы открытые отчеты НАТО по когнитивной войне, отечественные и зарубежные исследования, посвященные «мозговой войне», а также классические труды (А. Грамши, П. Бурдьё, У. Липпман, Э. Бернейс и др.), посвященные манипуляции массовым сознанием.

Methodological basis of the study. The research is grounded in an interdisciplinary approach, combining philosophical-anthropological and cultural analyses of the phenomenon of “cognitive war” with references to communication theory, the “Overton window” concept, cognitive psychology, and sociology. Open NATO reports on cognitive warfare, domestic and international studies dedicated to “brain wars”, as well as classical works (A. Gramsci, P. Bourdieu, W. Lippmann, E. Bernays, and others) focused on mass manipulation are analyzed.

© Оленич Т. С., 2026

© Французов Р. И., 2026

Результаты исследования. Установлено, что когнитивная война представляет собой новую неконвенциональную форму конфликта, нацеленную на подрыв рациональности, идентичности и культурных основ общества; описаны ключевые механизмы когнитивного воздействия (технологические — киберсредства, нейротехнологии, ИИ; медиасреда — социальные сети, дезинформация; психологические приемы — когнитивные искажения, фрейминг, мифы) и стратегические цели агрессора (дестабилизация общества, навязывание выгодного нарратива); показаны социокультурные последствия когнитивных атак — фрагментация коллективного сознания, эрозия ценностей, утрата доверия.

Перспективы исследования. Философско-антропологический подход к анализу феномена когнитивной войны дает основание рассматривать конфликт как давление на субъектность и intersubjective основания социального мира, выявляя механизмы перестройки смыслообразования, доверия и идентичности в цифровой среде и позволяя определить критерии допустимых границ вмешательства в мышление в условиях развития нейротехнологий и ИИ.

Ключевые слова: когнитивная война, информационная война, манипуляция сознанием, когнитивные искажения, массовое сознание, идентичность, когнитивная безопасность

Results of the study. It has been established that cognitive warfare constitutes a new non-conventional form of conflict aimed at undermining rationality, identity, and cultural foundations of society. Key mechanisms of cognitive influence are described, including technological tools — cyber means, neurotechnologies, artificial intelligence; media environment — social networks, disinformation; psychological techniques — cognitive biases, framing, myths — and strategic goals of the aggressor — destabilization of society, imposition of a favorable narrative. The socio-cultural consequences of cognitive attacks are also presented, such as fragmentation of collective consciousness, erosion of values, and loss of trust.

Prospects of the study. The philosophical-anthropological approach to analyzing the phenomenon of cognitive warfare provides a basis for viewing the conflict as pressure on subjectivity and intersubjective foundations of the social world. It reveals mechanisms of reconstruction of meaning-making, trust, and identity in the digital environment, and allows for establishing criteria for permissible boundaries of interference in thought, especially given the development of neurotechnologies and artificial intelligence.

Keywords: cognitive warfare, information warfare, consciousness manipulation, cognitive biases, mass consciousness, identity, cognitive security

Введение

В современном мире конфликт приобретает когнитивное измерение; наряду с противоборством в традиционных доменах (суша, море, воздух, космос, киберпространство) разворачивается борьба за человеческое сознание как за самостоятельную среду войны. Этот сдвиг в документах НАТО формулируется однозначно: «...когнитивная война — не средство, которым мы воюем; это сама война. Мозг одновременно является и целью, и оружием в борьбе за когнитивное превосходство»¹; в гуманитарной перспективе речь

¹ NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare // Allied Command Transformation. Activities. 11.12.2023. — URL: <https://www.act.nato.int/activities/cognitive-warfare/> (дата обращения: 01.01.2026).

идет о сознании (общественном и индивидуальном) как о пространстве, где производятся режимы интерпретации, доверия и действия. Когнитивная война фокусируется на атаках «...против образа мышления, ментальной логики, спонтанных представлений и концептуализации. Цель состоит в том, чтобы изменить представления о мире...» (Cluzel, 2020. Р. 3); эксплуатируя уязвимости восприятия, она ослабляет процедуры проверки и критического различения источников, закрепляя заданные смыслы как «естественную» картину реальности. Если информационные операции прошлого в основном управляли потоками сообщений, то когнитивная агрессия затрагивает глубинные уровни смыслообразования; меняет мировоззренческие схемы, ценностные ориентации и мотивационные механизмы поведения.

Западные исследователи трактуют когнитивную войну как стратегию скрытого изменения убеждений и норм целевых групп. Б. Клавери и Ф. дю Клузель определяют ее как «...это искусство использования технологий для изменения когнитивных способностей людей, которые зачастую не подозревают о подобных попытках...» (Claverie, Cluzel, 2022. Р. 1); в докладе НАТО феномен описан как «...война идеологий, направленная на подрыв доверия, лежащего в основе любого общества...» (Cluzel, 2020. Р. 7). Исследователи «Belfer Center» в контексте обсуждения российско-балтийских отношений подчеркивают, что данная форма войны является «...стратегией, которая направлена на изменение образа мышления целевой группы и, следовательно, ее действий» (Backes, Swab, 2019. Р. 8); следовательно, предметом воздействия становится не сообщение само по себе, а способ мышления, производящий дальнейшее поведение, или точнее: «...человеческий разум, а не человек как таковой» (Cluzel, 2020. Р. 36).

Таким образом, актуальность исследования обусловлена скрытым и всеобъемлющим характером подобных практик; когнитивная агрессия действует как «острая борьба за умы» (Шипунова, 2016. С. 97), стирающая грань между фронтом и тылом. Манипуляции информационной средой и психологическое давление способны вести к разобщению, радикализации и эрозии доверия к институтам, «...обусловленных созданием и внедрением разногласий в обществе посредством изменения образа мышления и восприятия действительности» (Жданов, Сидоров, 2023. С. 38) — к саморазрушительным действиям, ослабляющим государство изнутри. Цифровая инфраструктура делает влияние непрерывным и масштабируемым (Cluzel, 2020. Р. 4); поэтому требуется философско-антропологическое осмысление механизмов когнитивной войны и ее последствий для человека и культуры.

Природа и механизмы когнитивной войны

Проведенный анализ показывает, что когнитивная война представляет собой гибридный тип конфликта, в котором информационные и кибернетические

методы применяются не для физического уничтожения противника, а для целенаправленного изменения когнитивных процессов сознания — «...изменение смыслов, составляющих основу этнической идентичности противника» (Забарин, Марченко, 2024. С. 201). Ее главная установка — подорвать способность общества адекватно воспринимать реальность и самостоятельно принимать решения; в контексте процесса демократизации это усиливает эффект «...дестабилизации..., а способность влиять на большое число людей станет доступной негосударственным структурам...» (Rickli et al., 2023. P. 12); в натовских документах когнитивное воздействие описывается как атака на истину и сознание, ведущая к милитаризации общественного мнения и позволяющая извне влиять на государственную политику и дестабилизировать институты (Cluzel, 2020. P. 9). Следовательно, когнитивная агрессия направлена против коллективного разума; она разрушает целостную картину мира, подменяет ее выгодной агрессору интерпретацией и закрепляет эту интерпретацию в качестве нормы восприятия, то есть превращает внешний нарратив в привычный способ видеть происходящее, что в конечном счете «... позволяет перейти от военной победы на поле боя к прочному политическому успеху» (Cluzel, 2020. P. 9).

Стратегические задачи агрессора обычно сводятся к двум взаимосвязанным линиям — дестабилизации и навязыванию влияния. Первая линия — внутреннее расшатывание целевого общества; когнитивные атаки нацелены на то, «...чтобы влиять на принятие решений противником, создавать неразбериху и в конечном счете парализовать его действия ради победы»¹. В этих целях атакующая сторона стремится усилить хаос и социальную напряженность, подорвать доверие между гражданами и институтами, спровоцировать конфликты и недовольство.

Здесь работает логика «разделяй и властвуй»: через провокационные сообщения и конспирологические нарративы обостряются этнические, социально-экономические и идеологические противоречия (Пролегомены когнитивной безопасности, 2023. С. 461). В этой связи эмоционально заряженные лозунги выполняют роль маркеров групповой идентичности и одновременно механизмов поляризации. Показательно, что в данном контексте лаконичный слоган «Украина — не Россия», истоки которого соотносятся с одноименной книгой второго президента Украины Л. Д. Кучмы, может рассматриваться как элемент когнитивной операции, ориентированной на разведение двух исторически близких обществ; подобные формулы ускоряют формирование поляризованных «информационных пузырей», в которых исчезает общее поле

¹ *Pappalardo D.* «Win the War Before the War?»: A French Perspective on Cognitive Warfare // War on the Rocks, 31 July 2022. — URL: <https://warontherocks.com/2022/08/win-the-war-before-the-war-a-french-perspective-on-cognitive-warfare/> (дата обращения: 03.01.2026).

интерпретации событий, а коллективное сознание распадается на фрагменты, поскольку итогом целенаправленной информационной агрессии становятся глубокие внутренние расколы и утрата способности к согласованию общих смыслов.

Вторая линия когнитивного воздействия связана с установлением контроля над массовым восприятием, чтобы побудить население добровольно принять решения, выгодные инициатору воздействия. Иными словами, речь идет о перераспределении легитимности. В таком контексте легитимность понимается как «...постоянный процесс борьбы... за передел “пространства смыслов” и установление когнитивного доминирования..., победа в котором означает замену прежней легитимности... новой, так называемой “имплантированной легитимностью»» (Медушевский, 2023. С. 95). Отсюда следует, что ключевым ресурсом становится управление рамками интерпретации, которые организуют описание событий и формируют основания доверия к источникам и объяснениям. При систематическом конструировании образа угрозы ограничительные меры начинают восприниматься как рационально неизбежные, а отказ от части гражданских свобод — как функционально оправданная цена безопасности; в результате трансформируются основания признания норм и смещаются границы политически допустимого, то есть меняется конфигурация «окна Овертона», когда «...использование методов манипулирования общественным мнением может сделать общественность восприимчивой к идеям, которые ранее... были бы нежелательными..., а может даже оскорбительными» (Claverie et al., 2017. P. 74).

Основным механизмом выступают медиаканалы — традиционные и особенно цифровые; именно через них когнитивное воздействие получает массовый масштаб, при этом «цель кампаний по дезинформации состоит в том, чтобы заставить людей не доверять традиционным средствам массовой информации и политическому представительству..., что, в свою очередь, приводит к увеличению потребления контента “альтернативных СМИ”» (Burda, 2023. P. 5). Далее эффект закрепляется повторением, визуальными кодами и алгоритмической селекцией контента, включая персонализированную доставку сообщений на основе данных и алгоритмов, а также сетевые эффекты распространения контента. Сначала аудитории предъявляются простые, эмоционально насыщенные образы и краткие формулы, затем вокруг них выстраиваются более сложные смысловые конструкции, которые постепенно смещают картину мира у значительной части населения; при этом ослабевает критическая оценка источников, а критерий истинности уступает место критериям убедительности и аффективного резонанса. В конечном счете это ведет к трансформации самоидентификации, выступающей базовым условием воспроизводства и устойчивого функционирования любой социальной группы (Claverie, Cluzel, 2021. P. 6).

Стратегические цели когнитивного воздействия

Одной из ключевых целей когнитивной войны становится подрыв культурного и ценностного фундамента общества. В философско-социологическом плане это означает атаку на культурный капитал, который в терминологии П. Бурдьё представляет собой сложный феномен и включает три взаимосвязанные формы: «инкорпорированный» (Бурдьё, 2002. С. 61–63) — воспитательно-образовательный; «объективированный» (Бурдьё, 2002. С. 63–64) — материально-ценностный; «институционализированный» (Бурдьё, 2002. С. 64–65) — социально признанный. В обобщенном виде под культурным капиталом может пониматься совокупность знаний, убеждений, символов и социальных институтов, обеспечивающих коллективную идентичность и воспроизводство социального порядка; тем самым он становится ресурсом «...увечивания существующих культурных форм, ценностей и идей» (Селиверстова, 2012. С. 60). В антропологической перспективе это означает воздействие на условия смыслообразования, на схемы интерпретации жизненного мира и на основания субъектности. Агрессор, в свою очередь, стремится разорвать эти смысловые связи: искажая историческую память, фальсифицируя факты, размывая те основания социального опыта субъекта, которые выступают фундаментом габитуса — «...понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире» (Бурдьё, 2007. С. 75); тем самым воздействие направляется не только на разрушение символической «системы координат», характерной для конкретной общности, но и на подрыв механизма ее воспроизводства. Иными словами, ставится задача деформировать устойчивые практики, через которые закрепляются нормы, ценности и способы интерпретации жизненного мира; под удар попадает сама логика культурной преемственности, обеспечивающая воспроизводство коллективной идентичности. На практическом уровне подобная стратегия реализуется через производство и закрепление конкурирующих версий прошлого, через селективную актуализацию травматических сюжетов и через целенаправленную дискредитацию символически значимых фигур и смысловых «узлов» коллективной памяти (Гончаренко, Асафов, 2025. С. 36–37). Данные приемы подрывают преемственность поколений, разрушают доверие и ослабляют чувство сопричастности к общей культуре (Базавлук, Ковалев, 2025. С. 240). Ценностная диверсия такого рода наносит ущерб глубже материальных разрушений, поскольку ее эффект проявляется в распаде коллективной памяти и идентичности, переноса акцент внимания на спорные и откровенно неприятные события прошлого, восприятие которых «...вызывают такие эмоции, как вражда, гнев и ненависть» (Naganuma,

2021. Р. 13). Без этих опор снижается способность к солидарности и сопротивлению внешнему влиянию.

В этом смысле когнитивная война нацелена на подрыв воли противника и разрушение его способности к сопротивлению; речь идет о том, чтобы запустить процесс «...уничтожения себя изнутри, лишив его возможности сопротивляться, сдерживать или отклонять наши цели» (Bernal et al., 2020. Р. 11). Достижение такого результата предполагает не только идеологическую и символическую работу, но и опору на технологические средства, позволяющие масштабировать воздействие, ускорять его распространение и подстраивать сообщения под конкретные группы и контексты.

Исходя из указанных выше целей, современные NBIC-технологии (нано-, био-, информационно-коммуникационные и когнитивные) существенно расширяют возможности когнитивного воздействия (Etter, 2002. Р. 327–330); формируется опасная связка нейронаук, больших данных и искусственного интеллекта, нацеленных на управление не только информационными потоками, но и механизмами восприятия, внимания и эмоциональной регуляции, то есть на нейрофизиологические основания сознания. Нанотехнологии позволяют создавать чувствительные сенсоры для незаметного сбора данных о реакции людей; биотехнологии теоретически открывают путь к воздействию на биохимию и поведенческие паттерны (например, через модуляцию внушаемости или уровня тревожности) (Васенкин, Васильева, 2018. С. 64–65); алгоритмы больших данных и ИИ дают возможность отслеживать динамику поведения миллионов людей в реальном времени и персонализировать информационные атаки таким образом, что «военнослужащие низшего звена, их семьи и, соответственно, друзья могут быстро оказаться под прицелом цифровых технологий...»¹. Когнитивные интерфейсы (нейроинтерфейсы, устройства дополненной реальности, подсознательные алгоритмы внушения) усиливают эффект, обеспечивая прямую связку между цифровой средой и нервной системой (например, в контрразведке и допросах) (Mantellassi, Madziwa, 2025. Р. 33); распространение deepfake-технологий позволяет создавать правдоподобные ложные видеозаявления от имени известных лиц, многократно повышая убедительность дезинформации и снижая порог критической проверки (Савушкина, 2024. С. 48). Социальные сети и мессенджеры выступают каналами доставки этих воздействий; алгоритмы формируют вокруг человека замкнутую эхо-камеру, где доминирует отобранный контент, а альтернативные позиции вытесняются на периферию, вследствие чего индивид может быть погружен в сконструированную реальность, не осознавая внешнего вмешательства (Леонтьев, 2024. С. 55).

¹ *Michelson B.* Data as Ammunition: Hyper-Personalized Warfare in the Digital Age. — URL: <https://cepa.org/article/data-as-ammunition-hyper-personalized-warfare-in-the-digital-age/> (дата обращения: 05.01.2026).

Таким образом, в методологическом отношении когнитивная война предстает как многоуровневое воздействие на человека и общность; символическая работа, психологические механизмы и технологические инструменты взаимосвязаны и действуют согласованно — от микросреды повседневной коммуникации до институтов и режимов легитимации. Ее цель не сводится к разовым информационным операциям, поскольку речь идет о вмешательстве в условия смыслообразования: перестраиваются схемы интерпретации жизненного мира, меняются основания доверия, сдвигаются критерии истинности и приемлемости объяснений. В философско-антропологической перспективе это означает давление на субъектность и агентность, на телесно-аффективные режимы восприятия и практическое сознание, через которые удерживается связность опыта и формируется способность к выбору. При этом затрагиваются культурные сценарии и символический порядок, а также механизмы инкультурации и коллективной памяти, задающие границы «своего» и «чужого». Технологические средства усиливают эту логику; они обеспечивают масштаб, скорость и контекстуальную подстройку сообщений, формируя устойчивую среду, где внешний нарратив превращается во внутреннюю установку восприятия.

Социокультурные последствия когнитивной войны

Результаты исследования показывают, что когнитивная война — междисциплинарное явление, выходящее за рамки технических приемов; меняется сама логика конфликта и способы осуществления власти через управление смыслом. В классической теории противоборство связывалось с насилием и принуждением; К. Клаузевиц определяет войну как «...расширенное единоборство...» (Клаузевиц, 1994. С. 34) и уточняет: «...война — это акт насилия, имеющий своей целью заставить противника выполнить нашу волю» (Клаузевиц, 1994. С. 35). В когнитивной войне центр тяжести смещается к контролю над восприятием и интерпретацией; воздействие нацеливается на «...врожденную уязвимость человеческого разума» (Cluzel, 2020. P. 9), а информационное пространство становится средой, в которой конструируются режимы доверия и перераспределяются ресурсы влияния. Эта динамика соотносится с тезисом А. Грамши о культурной гегемонии: устойчивое господство закрепляется через нормы и ценности, где «...интеллигенты служат “приказчиками” господствующей социальной группы для осуществления... функций... политического управления...» (Грамши, 1991. С. 332); современные операции подтверждают, что нарративы и технологии способны действовать как инфраструктура власти, нормируя допустимые способы понимания событий.

При этом когнитивная война требует концептуализации, поскольку в исследованиях отсутствует единое, общепринятое определение, а употребление термина фиксирует разные уровни — от психотехнических процедур до

перестройки символического порядка и режимов легитимации. Поэтому важно удерживать рамку, связывающую практики воздействия с теоретическим описанием гибридных угроз; принципиально показательно требование: «... концептуализация когнитивной войны должна быть совместима с расширенной военной концепцией когнитивной войны... и в то же время соответствовать современной литературе о гибридных угрозах и гибридной войне» (Derre et al., 2024. Р. 10). Тем самым предмет анализа не сводится к перечню технологий; он включает трансформацию критериев доверия, признания и правдоподобия в публичной сфере.

Опасность подобного рода воздействий связана с их скрытностью и повседневной встраиваемостью; они размывают основания доверия и нормы совместного существования без внешнего «шока». Условия «постправды» (Шатин, 2020. С. 252) усиливают данный эффект когнитивных атак, причем в интернет-среде динамика становится более выраженной: факты обесцениваются, а эмоционально ориентированные нарративы оказываются убедительнее, поскольку «...интернет-пользователи всех возрастов склонны говорить больше о чувствах, чем о фактах» (Keyes, 2004. Р. 203), влияя на массовые установки сильнее, чем фактическое положение дел (Lynch, 2017. Р. 593). Отсюда следует проблема, связанная с неприкосновенностью мышления и когнитивной свободой (Ienca, 2021. Р. 2); обсуждаются запрет методов тайного психовоздействия и концепция «когнитивного права» как ограничения вмешательства во внутренние дела суверенных обществ (Медушевский, 2024. С. 136–137). Однако противодействие неизбежно порождает дилеммы: ограничение дезинформационных каналов и ответные операции затрагивают свободу слова и мысли; дополнительную остроту проблеме придает стратегическая установка западной военно-теоретической традиции, наиболее отчетливо сформулированная Франсуа дю Клузелем: «...если НАТО не удастся создать устойчивую и активную основу для прогресса когнитивного воздействия, то у нее не останется другого выхода, кроме активного конфликта» (Cluzel, 2020. Р. 11).

Именно в этом поле противоречий и проявляется основной социальный эффект когнитивной войны: повседневные практики интерпретации и доверия становятся объектом давления, а сбои в них быстро приобретают коллективный масштаб. Социальные последствия проявляются в дезориентации и фрагментации общественной ткани; снижается уверенность в различении правды и лжи, растет подозрительность, обесцениваются общие основания доверия. Под давлением оказываются институты государства, науки и медиа; общество дробится на группы, каждая из которых удерживает собственную «реальность» и собственные критерии легитимного объяснения. Подобное разрушение смысловой общности сопоставимо по ущербу с военным поражением: кризис доверия лишает общество способности к диалогу и согласованию целей (Backes,

Swab, 2019. P. 16–17), а конкуренция нарративов и конспирологических сценариев снижает устойчивость к внешнему давлению.

Противодействие когнитивной агрессии требует мер, учитывающих социокультурное измерение конфликта; в этой рамке используется понятие когнитивной безопасности как защиты ментального пространства общества, поскольку «...в информационном пространстве борьба за “истину” — это также борьба за то, что считается законным знанием» (Thompson, 2025. P. 4); следовательно, объектом защиты становятся не только каналы коммуникации, но и режимы доверия, процедуры верификации и культурные основания легитимации знания.

На уровне государства востребованы институциональные механизмы выявления и нейтрализации когнитивных атак; речь идет о мониторинге всплесков дезинформации и скоординированных кампаний в соцсетях, а также о правовых процедурах реагирования (Забарин, Марченко, 2024. С. 204). Сравнительные наблюдения показывают результативность межведомственных групп, объединяющих экспертов по кибербезопасности, психологии, медиа и внешней политике (Backes, Swab, 2019. P. 25).

Поскольку когнитивная война слабо привязана к территориальной юрисдикции и развивается в логике сетевого распространения, противодействие ей предполагает международное взаимодействие; в перспективе обсуждаются соглашения о неприменении скрытых психотехнологий. В этом контексте развивается идея «нейроправ» как юридической защиты человека от несанкционированного чтения или изменения его мыслей; предполагаемая институционализация таких норм направлена на сохранение автономии личности и фиксацию предельных гарантий, согласно которым «...индивидуальная идентичность (наша телесная и психическая целостность) и свобода воли (наша способность выбирать свои действия) должны быть защищены как основные права человека» (Yuste et al., 2017. P. 162).

Таким образом, когнитивные войны бросают вызов не только системам безопасности, но и базовым представлениям о человеке, сознании и культуре; социокультурные последствия здесь выступают центральным эффектом противоборства. Ответ предполагает координацию науки, технологий и гуманитарного знания; необходим общий понятийный аппарат, позволяющий описывать практики когнитивного влияния и одновременно удерживать критерии их допустимости, включая границы вмешательства в мышление.

Заключение

Когнитивная война — многоуровневый феномен, меняющий антропологию конфликта. Вместо прямого насилия совершается работа с условиями смыслообразования, режимами доверия и устойчивыми схемами интерпретации жизненного мира. Она соединяет в себе информационно-психологические

практики и технологические контуры, воздействующие на субъектность, практическое сознание и интерсубъективные формы социальной реальности. Стратегический горизонт такого давления — внутренняя дезинтеграция противника и навязывание повестки через внедрение разрушительных смыслов, вплоть до сценария саморазрушения изнутри.

Отсюда следует, что речь идет не о частных информационных эпизодах, а о целостной архитектуре влияния, где приемы, медиасреда и технологии работают как единый контур. Итогом становится не только изменение мнений, но и сдвиг оснований признания, легитимации и коллективной ориентации.

Во-первых, когнитивная война строится вокруг сознания как цели и ресурса. Интерсубъективные основания доверия выступают ключевой уязвимостью, а символический порядок и критерии правдоподобия становятся предметом борьбы. Контроль смещается от сообщений к процедурам понимания и оценивания. Существенным объектом воздействия выступают устойчивые схемы восприятия, через которые закрепляются нормы, границы допустимого и формы коллективной самоидентификации. Поэтому давление приобретает характер длительной настройки когнитивной среды, где внешние рамки постепенно начинают воспроизводиться как «естественные» основания для оценивания окружающей действительности.

Во-вторых, механизмы воздействия образуют связку уровней. Медиаканалы и цифровая инфраструктура дополняются психотехническими приемами, работающими с вниманием, эмоциями и когнитивными искажениями. Алгоритмическая селекция контента и контекстная подстройка сообщений закрепляют внешнюю рамку как внутреннюю установку восприятия.

В-третьих, стратегические цели агрессора включают дестабилизацию и фрагментацию социальной ткани. Управление рамками интерпретации становится ресурсом перераспределения легитимности и навязывания выгодного нарратива через вытеснение альтернативных трактовок; конфликт переносится в область признания, где конкурируют критерии доверия, правдоподобия и допустимости объяснений. В перспективе это ведет к подрыву культурного капитала, коллективной памяти и практик преемственности; к деформации габитуса как механизма воспроизводства норм и ценностных ориентиров, что снижает способность общности к солидарности и согласованию общих смыслов.

В-четвертых, последствия выражаются в эрозии доверия к институтам, науке и медиа, в распаде общего поля обсуждения и в снижении устойчивости к внешнему давлению. Ответ требует разработки норм когнитивной безопасности как системы защиты ментального пространства общества, а также согласованного комплекса образовательных, правовых и этических мер, направленных на сохранение автономии личности и на закрепление границ допустимого вмешательства в когнитивные процессы.

Список источников

- Базавлук С. В., Ковалев А. А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2025. — Т. 25, № 2. — С. 236–250. — DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250. — EDN MQQFIS.
- Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; — СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-903354-054.
- Бурдые П. Формы капитала. // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–74. — EDN OYUVRD.
- Васенкин А. В., Васильева Н. А. Мировоззренческие проблемы NBIC-технологий // Манускрипт. — 2018. — № 8(94). — С. 64–68. — DOI 10.30853/manuscript.2018-8.14. — EDN XWEPOX.
- Гончаренко А. Р., Асафов А. Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1. — С. 31–45. — DOI 10.24412/2071-6141-2025-1-31-45. — EDN ZTGZJR.
- Граммши А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.] . В 3 ч. Ч. 1. — Москва: Политиздат, 1991. — 560 с. — ISBN 5-250-00897-6.
- Жданов М. А., Сидоров М. П. Роль национального самосознания в достижении превосходства над Западом в условиях когнитивной войны. // Военная мысль. — 2023. — № 6. — С. 37–45. — EDN PUNUQJ.
- Забарин А. В., Марченко Г. В. Когнитивная безопасность: современные угрозы обществу и их нейтрализация // Управленческое консультирование. — 2024. — № 5(185). — С. 197–207. — DOI 10.22394/1726-1139-2024-5-197-207. — EDN UGUTBS.
- Клаузевиц К. О войне. — Москва: Логос; Наука, 1994. — 448 с. — ISBN 5-88439-080-7.
- Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С. Свобода выбора и сетевые «эхо-эффекты» информационного потребления // Социодинамика. —

References

- Bazavluk S. V., Kovalev A. A. Information confrontation in a multipolar world. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = RUDN Journal of International Relations*. 2025; 25(2): 236–250. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250>. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; — SPb.: Aleteyya = Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteya; 2007. 288 p. ISBN 978-5-903354-054. (In Russ.)
- Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2002; 3(5): 60–74. (In Russ.)
- Vasenkin A. V., Vasileva N. A. Worldview problems of NBIC technologies. *Manuskript = Manuscript*. 2018; 8(94): 64–68. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.14>. (In Russ.)
- Goncharenko A. R., Asafov A. N. The concept of cognitive warfare: NATO preparation for future conflicts. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2025; 1: 31–45. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-1-31-45>. (In Russ.)
- Gramsci A. *Prison notebooks*. In 3 parts. Part 1. Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat, 1991; 560 p. ISBN 5-250-00897-6. (In Russ.)
- Zhdanov M. A., Sidorov M. P. The role of national identity in achieving superiority over the West in conditions of cognitive warfare. *Voennaya mysl = Military thought*. 2023; 6:37–45. (In Russ.)
- Zabarin A. V., Marchenko G. V. Cognitive security: modern threats to society and their neutralization. *Upravlencheskoe konsultirovanie = Administrative consulting*. 2024; 5(185):197–207. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-197-207>. (In Russ.)
- Clausewitz C. *On war*. M.: Logos; Nauka = Moscow: Logos; Science; 1994. 448 p. ISBN 5-88439-080-7. (In Russ.)
- Leontiev G. D., Leontieva L. S. Freedom of choice and network “echo effects” of information consumption. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2024; 1:53–63. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.1.68951>. (In Russ.)

2024. — № 1. — С. 53–63. — DOI 10.25136/2409-7144.2024.1.68951. — EDN KWSJOI.

Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 2) // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 3(20). — С. 92–107. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107. — EDN OLANGR.

Медушевский А. Н. Право в эпоху когнитивных войн: гарантии свободы мысли перед вызовом новых технологий манипулирования сознанием // Сравнительное конституционное обозрение. — 2024. — Т. 33, № 1(158). — С. 110–137. — DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-110-137. — EDN KCEYUQ.

Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / Под редакцией И. Ф. Кефели. / Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Нормативно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации. — СПб.: Петрополис, 2023. — 488 с. — ISBN 978-5-9676-1526-9. Савушкина М. А. Дипфейк как цифровое оружие гибридной войны. // Вестник Омского университета. — 2024. — Т. 29, № 4. — С. 45–54. — DOI 10.24147/1812-3996.2024.4.45-54. — EDN XKLSEG.

Селиверстова Н. А. Культурное воспроизводство: вопросы методологии и методики исследования. // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 59–63. — EDN PWNXQP.

Шатин Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2020. — Т. 19, № 6. — С. 250–257. — DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257. — EDN BVNNCQ.

Шипунова О. Д., Мурейко Л. В. Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3(250). — С. 93–101. — DOI 10.5862/JHSS.250.11. — EDN XHRGTR.

Medushevsky A. N. Cognitive warfare: social control, mind management and a tool of global domination (part 2). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of theoretical economics*. 2023; 3(20): 92–107. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107. (In Russ.)

Medushevsky A. N. Law in the era of cognitive warfare: guarantees of freedom of thought in the face of new technologies of mind manipulation. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2024; 33(1):110–137. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2024-1-110-137>. (In Russ.)

Prolegomena of cognitive security. Ed. by I. F. Kefeli. *SPb: Petropolis = Saint Petersburg: Petropolis*, 2023; 488 p. ISBN 978-5-9676-1526-9. (In Russ.)

Savushkina M. A. Deepfake as a digital weapon of hybrid warfare. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2024; 29(4): 45–54. <https://doi.org/10.24147/1812-3996.2024.4.45-54>. (In Russ.)

Seliverstova N. A. Cultural reproduction: issues of methodology and research methods. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012; 3: 59–63. (In Russ.)

Shatin Yu. V. Post-truth as a rhetorical phenomenon in modern media space. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and philology*. 2020; 19(6): 250–257. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257>. (In Russ.)

Shipunova O. D., Mureyko L. V. Cognitive scenarios in the construction of mass consciousness. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPb-PU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg Polytechnic University Journal. Humanities and social sciences*. 2016; 3(250): 93–101. <https://doi.org/10.5862/JHSS.250.11>. (In Russ.)

Backes O., Swab A. Cognitive warfare. *Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School*, 2019; 50 p.

Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive warfare: an attack on truth and thought. *Norfolk*,

- Backes O. Cognitive Warfare / O. Backes, A. Swab. — Cambridge, Mass.: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2019. — 50 p.
- Bernal A. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought / A. Bernal, C. Carter, I. Singh, et al. — Norfolk, VA: NATO Innovation Hub; Laurel, MD: Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, 2020. — 45 p.
- Burda R. Cognitive Warfare as Part of Society: Never-Ending Battle for Minds / R. Burda. — The Hague: Hague Centre for Strategic Studies, 2023. — 13 p.
- Claverie B. “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare / B. Claverie, F. du Cluzel. — 2022. — 9 p.
- Claverie B. The Cognitive Warfare Concept / B. Claverie, F. du Cluzel // NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub, — 2021. — 11 p.
- Cluzel F., du. Cognitive Warfare, a Battle for the Brain / F. du Cluzel // NATO Allied Command Transformation. — 2020. — 12 p.
- Cluzel F., du. Cognitive Warfare / F. du Cluzel. — Norfolk, VA: NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub, 2020. — 12 p.
- Deppe C. Cognitive warfare: A conceptual analysis of the NATO ACT cognitive warfare exploratory concept / C. Deppe, A. Binder, H. Himmighoffen, et al. // *Frontiers in Big Data*. — 2024. — Vol. 7. — 13 p.
- Etter D. M. Cognitive readiness: An important research focus for national security / D. M. Etter // *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (NBIC)*. Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.). — Arlington, VA: National Science Foundation, 2002. — 468 p.
- Gu L. The Fake News Machine: How Propagandists Abuse the Internet and Manipulate the Public / L. Gu, V. Kropotov, F. Yarochkin. — Tokyo: Trend Micro, 2017. — 80 p.
- Ienca M. On Neurorights / M. Ienca // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2021. — Vol. 15. — P. 701258. DOI:10.3389/fnhum.2021.701258.
- VA: NATO Innovation Hub; Laurel, MD: Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, 2020; 45 p.
- Burda R. Cognitive warfare as part of society: never-ending battle for minds. *The Hague: Hague Centre for Strategic Studies*, 2023; 13 p.
- Claverie B., Cluzel F., du. Cognitive warfare: the advent of the depth of “cognitics” in the field of warfare. *NATO Collaboration Support Office*, 2022; 9 p.
- Claverie B., Cluzel F., du. The cognitive warfare concept. *NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub*, 2021; 11 p.
- Cluzel F., du. Cognitive warfare, a battle for the brain. *NATO Allied Command Transformation*, 2020; 12 p.
- Cluzel F., du. Cognitive warfare. *Norfolk, VA: NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub*, 2020; 12 p.
- Deppe C., Binder A., Himmighoffen H. et al. Cognitive warfare: a conceptual analysis of the NATO ACT cognitive warfare exploratory concept. *Frontiers in Big Data*, 2024; 7;13 p.
- Etter M. D. Cognitive readiness: an important research focus for national security. In: Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.). *Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (NBIC)*. *Arlington, VA: National Science Foundation*; 2002.
- Gu L., Kropotov V., Yarochkin F. The fake news machine: how propagandists abuse the Internet and manipulate the public. *Tokyo: Trend Micro*, 2017; 80 p.
- Ienca M. On neurorights. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2021; 15: 701258. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.701258>
- Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. *New York: St. Martin's Press*; 2004. VIII, 312 p.
- Lynch M. STS, symmetry and post-truth. *Social Studies of Science*. 2017; 47(4): 593–599.
- Naganuma K. Warfare in the cognitive domain: narrative, emotionality, and collective memory. *NIDS Commentary*. 2021; 163: 23 p.

Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes. — New York: St. Martin's Press, 2004. — VIII, 312 p.

Lynch M. STS, symmetry and post-truth / M. Lynch // Social Studies of Science. — 2017. — Vol. 47. — № 4. — P. 593–599.

Naganuma K. Warfare in the Cognitive Domain: Narrative, Emotionality, and Collective Memory / K. Naganuma // NIDS Commentary. 2021. — № 163. — 23 p.

Rickli J.-M. Peace of Mind: Cognitive Warfare and the Governance of Subversion in the 21st Century / J.-M. Rickli, F. Mantellassi, G. Glasser. — Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2023. — (GCSP Policy Brief; No. 9). — 15 p.

Для цитирования: Оленич Т. С., Французов Р. И. Философско-антропологические основания когнитивной войны: механизмы воздействия, стратегические цели и социокультурные последствия // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 49–63. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.4 EDN GKHWAN

Сведения об авторах

Оленич Тамара Станиславовна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии и православной культуры Донского государственного технического университета,
SPIN-код: 3380-3890
AuthorID: РИНЦ: 833898
tamara1970@inbox.ru

Французов Руслан Игоревич

Кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории зарубежной и отечественной философии Южного федерального университета,
SPIN-код: 2257-3928,
AuthorID РИНЦ: 1237352
rantsuzov.rus@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

Rickli J.-M., Mantellassi F., Glasser G. Peace of mind: cognitive warfare and the governance of subversion in the 21st century. Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2023; 9;15 p.

История статьи:

Поступила в редакцию — 08.01.2026

Одобрена после

рецензирования — 25.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Information about authors

Tamara S. Olenich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University
ResearcherID: Z-1054-2019
tamara1970@inbox.ru

Ruslan I. Frantsuzov

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Department of History of Foreign and Russian Philosophy, Southern Federal University
ResearcherID: NGR-3511-2025
frantsuzov.rus@mail.ru